

МЕТОДИКА И ОПЫТ METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>

Методическая лингвоконцептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма

Наталья Львовна Мишатина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург,
Россия, mishatina-nl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-8774>

Аннотация. Рассмотрены актуальные методологические решения методической лингвоконцептологии в теоретических рамках новой культурологической парадигмы – метамодернизма и в условиях цифровой трансформации образования. К ним относятся: уточнение содержания школьного лингвистического образования с помощью международного трансдисциплинарного конструкта «Большие идеи»; использование философско-педагогической категории «забота о себе» как междисциплинарной категории в прикладном дискурсе методической лингвоконцептологии; освоение концептосферы русского языка. Сделан вывод, что формирование национально-культурной идентичности, патриотического и гражданского самосознания поколения метамодернизма требует нового содержания и методически выверенных (пластичных) антропопрактик.

Ключевые слова: метамодернизм, методическая лингвоконцептология, «Большие идеи», техника «забота о себе», эмоциональный интеллект, сетевая языковая личность

Для цитирования: Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 7–16. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Methodological linguoconceptology: resetting in the era of metamodernism

Natalia L. Mishatina

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, mishatina-nl@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6959-8774>

Abstract. The paper considers the relevant methodological solutions provided by methodological linguoconceptology within the theoretical framework of a new cultural paradigm, namely metamodernism, and in the conditions of the digital transformation of education. These conditions include adjusting the content of school language education with the aid of the international transdisciplinary construct of "big ideas"; using the philosophical-pedagogical category "self-concern" as an interdisciplinary category in the applied discourse of methodological linguoconceptology; mastering the conceptual sphere of the Russian language. It is concluded that the formation of national-cultural identity, patriotic and civic self-awareness of the metamodernism generation requires a new content and methodologically adjusted (i. e. adaptive) anthropological practices.

Keywords: metamodernism, methodological linguoconceptology, "big ideas", the "self-concern" technique, emotional intelligence, networking language personality

For citation: Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology: resetting in the era of metamodernism. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2022;83(4):7–16. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>.

Введение. Развитие современной культуроориентированной лингвометодики можно представить сквозь призму одной из ключевых метафор Делёза и Гваттари — метафоры *ризомы* (фр. *rhizome* 'корневище'). В методическом лингвокультуроведении стратегическим признано аксиологическое направление, возглавляемое А. Д. Дейкиной, основателем научной школы аксиологической лингвометодики, сформировавшейся в 90-е гг. XX века. Создателем еще одного авторитетного научного направления — культуроведческого подхода в преподавании русского языка, предполагающего осуществление взаимосвязи между языком, культурой, личностью, средствами вербального (словесного) и невербального текста (произведения искусства), — является Л. А. Ходякова.

Методическая лингвоконцептология, как молодая методическая школа «сетевого столетия», строится не на институциональной основе, а обращается к новой научной форме самоорганизации методического знания. В условиях информационного общества и «текущей современности» (З. Бауман) она позиционирует себя как «невидимый колледж» (понятие разработано американским историком науки Д. Прайсом), т. е. как коммуникационное объединение, главная цель которого не только в подготовке новых ученых, но и в организации процесса «обучение на практике» (learning by doing) учителей-исследователей нового поколения. «Невидимый колледж» методической лингвоконцептологии, за 20 лет пройдя романтический период «желаемой науки» (в терминологии Ф. Бэкона), выработал конституирующие параметры (категориальный аппарат, концептуальную базу) новой научно-методической дисциплины и к началу 2020-х заработал свой символический капитал (в понимании П. Бурдьё), значимость которого как стратегии накопления доверия и функционирования в образовательном сообществе возрастает. Сегодня **методическая лингвоконцептология**, под зонтичным термином которой могут находиться разные методические концепции, объединенные в большей или меньшей степени материализацией идеи концепта, — это **одна из удачно функционирующих ипостасей современной русистики**.

В научном направлении методической лингвоконцептологии (антропологической лингвометодики) филология как «учение о слове», выделившаяся когда-то из филологии вместе с другими науками, возвращается к своим интегральным истокам благодаря концепту — синтезному ментально-вербальному образованию, интегрирующему в себе язык и культуру.

Методы и материал исследования. В статье дана методологическая интерпретация принципов метамодернизма применительно к образовательной языковой практике. Основными методами исследования выбраны системный и проблемный анализ, а также методы педагогических исследований.

Обсуждение. Теоретические обоснования автора, а также его практический опыт позволяют представить для обсуждения методологические ресурсы и возможные «точки развития» методической лингвоконцептологии в контексте культуры метамодернизма.

Интеллектуальную траекторию развития методической лингвоконцептологии предлагается проследить сквозь призму трех концептуальных цитат, которые, будучи интертекстуальными знаками, обеспечили интегрированность авторского текста в континуум современной науки.

1. Инструментарий методической лингвоконцептологии на службе философско-педагогической практики «заботы о себе»

Авторство первой цитаты о смене «идеального проекта» в лингвистике и ее «самосознании — вчера и завтра» принадлежит Р. М. Фрумкиной: «Идеальный проект науки — это в самом общем виде ответы на вопросы о том, что нужно изучать, как нужно это изучать и почему ценностью считается изучение именно “этого”, а не чего-либо иного. *Идеальный проект* по определению не может быть реализован до конца: потому он и называется “идеальным”. Но осознание идеального проекта как воплощения целей и ценностей, доминирующих на данном этапе развития науки, исключительно важно для всех работающих в ней. Как известно, смена идеального проекта в исторических науках ознаменовалась тем, что историки переключили свой интерес с описания событий (“gestae”) на человека

и его ментальность. Поэтому ныне отношения между детьми и родителями в средневековой Франции — не менее достойный сюжет для исследователя, чем авиньонское пленение пап или подготовка Венского конгресса.

Смена идеального проекта в лингвистике выразилась прежде всего в отказе от «импорта» в нее критериев точности, заимствованных из точных наук... В качестве нового идеального проекта, видимо, выступает когнитивизм... Впрочем, труднее всего судить, находясь внутри этого изменяющегося потока» [Фрумкина 1999, Электронный ресурс].

Изменение архитектоники самосознания лингвистики открывало новые горизонты для новаторских методических теорий и разработки научного инструментария, защищающего историческую и культурную идентичность русской цивилизации, лингвистические ресурсы культуры, противостоя глобалистскому неолиберальному дискурсу. Исходя из основного посыла (лингвистика XXI в. — наука в значительной степени субъективная и неточная) было установлено, что в своем самосознании педагогическая лингвистика (точнее — концептная методика) тоже разворачивается в сторону антропологизма и контекста культуры, поскольку ее методология определена лингвокультурологией (антропологической лингвистикой), базовой операционной единицей которой стал концепт, дав имя такой разновидности лингвокультурологии, как **лингвокультурная концептология**.

В начале нулевых методическая лингвоконцептология на основе методологического гносеологического принципа дополнительности Нильса Бора решает для себя главный мировоззренческий вопрос, поставленный новыми «западниками» и «славянофилами»: «Какому языку мы учим детей цифровой эпохи?» Принцип «или/или» был заменен принципом равенства «и/и»: это и русский язык как язык, романтически выражающий «народный дух» (реализация **идеи филологизации** содержания предмета «Русский язык»), и русский язык как язык мысли и интеллектуального общения (реализация **идеи интеллектуализации** предмета «Русский язык»). Таким образом, лингвокультурный концепт одновременно

рассматривался как инструмент воспитания и социализации юных граждан (система концептов строит мировоззрение в процессе освоения растущей личностью смысловой вселенной и задает определенный ориентационный вектор ее поведения в данной культуре и социуме) и как инструмент формирования системных мыслителей, способных критически измерять и отстраивать свою позицию в условиях «фикционализации информации» как характеристики современного дискурса [Карасик, Слышкин 2021: 17].

Нами был определен культурный фундамент, общее смысловое поле, на котором строятся процессы коммуникативного воздействия, информационного обмена и самовыражения (концептоцентрическая модель «Человек чувствующий, мыслящий и действующий в пространстве языка и культуры»); положено начало учебному портретированию лингвокультурных концептов как «квантов переживаемого знания» (В. И. Карасик), образующих ценностную картину мира. В результате поиска антропопрактик «творческого собирания себя» (В. Н. Топоров) в процессе решения лингвокультурологических задач получили методическую «прописку» и развитие новые школьные жанры: метафорический портрет слова (имени концепта), лингвоконцептоцентрическое эссе, портретирование своих и других (в лексике и грамматике); разработаны учебные «маршруты мысли», в которых жизнь постигается в едином пространстве нарратива (к которому тяготеет художественная словесность) и тезауруса как системы определенных понятий и категорий (что требует включения в учебный процесс текстов русской «филологической философии», поскольку «философия мыслит тезаурусно» [Эпштейн 2018: 426], а само движение мысли направлено от узнавания к постижению и интерпретации системы смысловых концептов).

С начала 2010-х мир движется в сторону принципиально иной теории образования как части культуры метамодернизма (термин Л. Тёрнера), который многие ученые рассматривают в качестве **актуального концепта развития образования XXI в.**» (см.: [Галактионова, Казакова 2017; Колесникова 2019] и др.). В условиях новой актуальности речь идет о методологической

перезагрузке методического знания. В глобальный проект метамодернизма методисты-концептологи включают и свои частные исследовательские соображения в области лингвистического образования.

В метамодернизме как интеллектуальной альтернативе постмодерну переакцентировка в понимании реальности связана с двумя поворотами: **аффективным**, в центре которого — «новая искренность» с ее ключевыми характеристиками (наивность, искренность, серьезность и доверие)¹, проецируемыми в повседневность, и **этическим**, когда «забота о себе» как «искусстве жизни» (М. Фуко) рассматривается в рамках «этики подлинности и равнодушия... — особенно равнодушия к другим... и окружающей среде» [Думитреску, Электронный ресурс]. «Идентифицироваться — значит сопереживать», т. е. идентифицироваться с опытом мира и «Другого Я» как со своим — звучит в культовом романе метамодернизма Дэвида Фостера Уоллеса «Бесконечная шутка» (1996). Новая искренность — это движение в конкретный мир подлинных человеческих чувств: любви, дружбы, доброты, справедливости, милосердия. Это преодоление «идеологической наивности модернизма, иронии и циничного скептицизма постмодернизма» [Гусельцева 2018: 335].

В виртуальном пространстве цифровых медиа возникло еще одно понятие — «**новый тип чувственности**». С одной стороны, это свидетельство психотерапевтического поворота к пониманию чувств (отсюда обращение к «новому языку чувств»: токсичные отношения, травма, граница, обесценивание; модным медицинским терминам *депрессия* и *биполярное расстройство* вместо традиционного «алфавита чувств» и др.), с другой — констатация факта изменения границ приватного и публичного в век Интернета (психологизация и социологизация культуры «жертвы» и «абьюза» в соцсетях). Кроме того, нельзя не отметить еще такое явление, которое М. Маклюэн метафорически назвал «расширением чувств» («extension of feelings» / «extension of senses»). С ним, очевидно, связано появление в языке технических метафор, выступающих генераторами новых смыслов при

описании внутреннего мира человека эпохи интернет-коммуникации (например, «моя душа распалась на слайды»²).

Воспринимая «происходящее одновременно и всерьез, и отстраненно-иронично», проверяя любую информацию на соответствие «внутренней психологической правде» [Колесникова 2019: 70], пытаюсь преодолеть противоречия «между надеждой и меланхолией, простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью» [Заметки..., Электронный ресурс], поколение Z оказывается в состоянии метамодернистского раскачивания между модерном и постмодерном. Этому поколению свойственна не только «высокая степень эмоциональности и искренности», экспансия демонстративности (подчеркнутое продвижение собственного имиджа как воплощения энергичности и позитивного мировосприятия), но и «коммуникативное перенасыщение и утрата иммунитета к нежелательной коммуникации», размывание границ приватности и публичности [Карасик, Слышкин 2021: 17–21].

Методическая лингвоконцептология пытается дать новые — «**защитные**» — антропопрактики, развивающие способность быть субъектом собственной жизни. Одна из них связана с современной трансформацией (не прямое линейное наследование!) реконструированной только в XX в. (в работах Мартина Хайдеггера, Пьера Адо, Мишеля Фуко) античной идеи «заботы о себе» как заботы о нахождении себя в культуре через образование. При этом педагогическое измерение «заботы о себе» как междисциплинарной категории в методической лингвоконцептологии рассматривается через призму работающего в образовании мягкого навыка XXI в.: эмоционального интеллекта, в рамках которого *homo loquens* является одновременно и *homo sentiens*. Находясь на службе философской практики «заботы о себе», инструментарий методической лингвоконцептологии дает основу заботы о себе — понимание себя («собираение себя» — Г. С. Померанц) и Другого («доминанта на

¹ В русскоязычном контексте термин впервые употребил Д. А. Пригов.

² Интересен пример Г. Г. Слышкина: старшеклассник описывает, как ему стало плохо после тренировки, следующими словами: «Я лежу на полу раздевалки и чувствую, что изображение постепенно отключается...»

лицо другого» — А. А. Ухтомский) и спасение от «моральной слепоты: потери чувствительности» (метафора З. Баумана).

Ядром **внутриличностного** интеллекта становятся языковые и текстовые *лингвокультурологические задачи* и *метафорические портреты чувств* (в терминологии М. Фуко — «техники себя»); **межличностного** — словесные и визуальные «ситуации чувств» и эссе на основе эмоциональных концептов как выход за пределы когнитивного поля и личностных переживаний в эмоциональный межличностный мир [Мишатина 2019].

Происходит инструментализация идеи «новой искренности» как движения души в поисках познания мира и «Другого Я», причастности к некой общности.

2. По языковой «лестнице понимания» — к «Большим идеям»

Вторая цитата посвящена **горизонтам познания** в понимании Х.-Г. Гадамера: «...лишенный горизонта видит недостаточно далеко и потому переоценивает близлежащее. Наоборот, обладать широтой горизонта означает: не ограничиваться ближайшим, но выходить за его пределы...» [Гадамер 1988: 358]. Методическая лингвоконцептология как интердисциплинарное направление в изучении языковой картины мира, изначально раздвигая границы своей дисциплинарной матрицы, развивается с ориентацией на последующий выход в сферу **трандисциплинарности**, соотносимой с идеями целостности (холизма), интеграции, самоорганизации (синергетики). Современный учитель нового поколения — это интегратор знания, умеющий работать с несколькими предметными действительностями, понимающий стратегическую важность **конвергенции** школьных основ естественно-научного, математического и гуманитарного знания.

Разрабатываемые методистами-концептологами совместные проекты учителей-предметников как результат трандисциплинарной кооперации развивают «умение связывать знания и придавать им смысл» [Морен 2007], выходя в открытое пространство новых неочевидных смыслов. Интеграция, например, «биологического» знания (научная теория Ч. Дарвина) и художественного (эссе «Литературный стиль Дарвина» О. Мандельштама) позволяет выпускнику не только познавать мир в его «сложной

простоте» (Гия Канчели) целостно, но и конструировать его в культурном пространстве творческой деятельности, восстанавливая в своем сознании духовную связь между наукой и культурой [Мишатина 2021].

Методологические решения методической лингвоконцептологии изначально отвечают новым для российского образования принципам формирования содержания с помощью **международного трандисциплинарного конструкта «Большие идеи»**, в основе которого ориентация на холистическое видение реальности, сфокусированном на полноте и целостности картины [Большие... 2020].

«Большие идеи» вполне вписываются в метамодернистскую реальность: «...метамодернизм стремится воссоздать чувство целостности» [Думитреску, Электронный ресурс]; это поиск того Абсолюта, который конституирует мир (вспомним идею М. Хайдеггера о «мире, понятом как картина») и который отвергнут постмодернизмом. Проблема же состоит в том, что «перезагрузить мир заново и целостно» требуется в его новых константах неопределенности, колебания и движения [Гусельцева 2018: 327]. И здесь основополагающим методологическим вызовом метамодернизма является понятие **осцилляции** (лат. *oscillum* ‘колебание’), посредством которой, как интеллектуальным «раскачиванием» (маятниковой спирали, где «в движении “туда-и-обратно” нарастающие круги смыслов и интерпретаций производят новый гештальт») [Там же: 328], происходит осмысление сложной реальности. В этой реальности придется жить и работать «цифророжденному» поколению Z, культивируя в себе такие «родовые черты» новой культурной парадигмы, как способность к синтезу противоположных полюсов с целью взаимного обогащения каждого из них, отказ от признания какой-либо истины окончательной, отношение к мобильным технологиям как ресурсу и инструменту коммуникации [Галактионова, Казакова 2017: 11–13].

И здесь в зоне ответственности учителя-словесника — умение сбалансировать две задачи обучения: трансляцию традиций (через концепты как концентраторы культуры) и вовлеченность новой генерации детей в медийно преобразованную реальность, которая, к сожалению, кроме бесспорных

образовательных плюсов, несет в себе также упрощение действительности, замену фактов фактоидами и фейками, «постановочность вместо фиксации факта», «дерационализацию восприятия мира» (в пользу его спонтанного эмоционально-оценочного восприятия) и т. д. [Карасик 2020: 23].

В общем виде схему операционализации «Большой идеи» можно представить так: сначала размышление идет от базового концепта или семантических дублетов

(фрагмента русской лингвокультуры) к набору уточняющих концептуальных высказываний, затем происходит их операционализация в ключевые (жизненно важные) вопросы, поиск ответов на которые помещен в пространство русского языка и культуры.

Конкретизируем развертывание «Большой идеи» (фрагмент концептосферы «Стыд и совесть») в контексте методической лингвоконцептологии (см. табл.).

Таблица

Развертывание «Большой идеи» в контексте методической лингвоконцептологии (фрагмент)

Понятие или принцип	Набор уточняющих утверждений	Группа раскрывающих вопросов
СТЫД и СОВЕСТЬ	Утверждение № 1. Из книги В. С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия»: «Основные чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. Господство над материальной чувственностью, солидарность с живыми существами и внутреннее добровольное подчинение сверхчеловеческому началу — вот вечные, незыблемые основы нравственной жизни человечества». Утверждение № 2. Из статьи Ю. М. Лотмана «Чему учатся люди?»: «Определить культуру человека можно по одному признаку: на что ему не наплевать, что его не трогает». Утверждение № 3. Из книги Дженифер Джекет «Зачем нам стыд? Человек vs. общество» (2016): «Наказание стыдом перед лицом многих глобальных вызовов — это ненасильственная форма общественного сопротивления через Интернет»	1. На чем основано различие между двумя типами культур: античной «культурой стыда» и христианской «культурой вины» (или «культурой совести»)? 2. Какую роль в формировании «животного стыдящегося» (определение человека Вл. Соловьевым) играют культурные медиаторы (церковь, литература, кинематограф, реклама, Интернет)? 3. Каковы гендерные отличия в проявлениях стыда? 4. Почему так «побледнел» стыд? 5. Стыд и «жизнь в Сети»: этически «две вещи несовместные» для индивидуума? 6. Являются ли стыд и запрет тоталитарными категориями, мешающими осуществлению личностной свободы? 7. Репутация стыда в цифровую эпоху: атавизм, скорее слабость, чем сила или необходимое для сохранения цивилизации целительное чувство? 8. Нрав и обычай: есть ли в современной России общественное мнение? 9. Лидеры мнения в медиапространстве: воплощают ли они «совесть страны и честь»? (А. Вознесенский)

Моделируя концепт, старшеклассник, используя «осциллирующее движение», работает в ценностно-смысловой логике метамодернизма не с готовой идеей того или иного мировоззренческого концепта, а ищет ее самостоятельно через решение лингвокультурологических задач как «задач на смысл, на открытие смысла» (в терминологии А. Н. Леонтьева) и «задач на жизнь» (в терминологии Д. А. Леонтьева).

Движение же по ступеням языковой «лестницы понимания» (термин В. И. Карасика), включающей *концептуальное* (языковое осмысление концепта «стыд»), *сюжетное* (например, стыд «оголения» перед всеми «маленького человека» как сюжетная идея «Бедных людей» Достоевского) и *дискурсивное* (особенности поведения сетевой языковой личности) *измерения*, дает достаточно системное представление

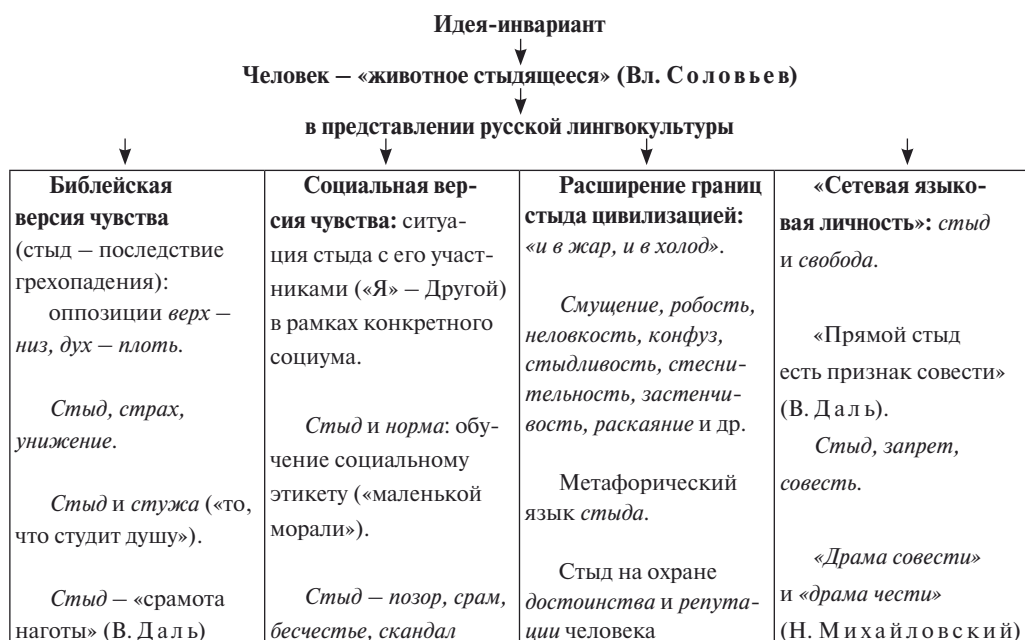

Схема. Языковая «лестница понимания»

о формировании и развитии в языке и культуре концепта «стыд», являющегося «понятием жизненной философии» человека (Н. Д. Арутюнова) (см. схему).

Связывая разнопорядковые идеи мира, базовые концепты в своей совокупности образуют своего рода «социогеом» в формировании духовной культуры нации. Соотнося личные переживания с социальными и культурными кодами, ученики начинают понимать, что человек не есть «перечень компетенций» и у него нельзя убрать метафизическую основу бытия и культурные регуляторы.

Таким образом, **два основополагающих принципа методической лингвоконцептологии:** трансдисциплинарный принцип широты и интеллектуальной целостности знаний о мире и принцип глубины освоения концептосферы русского языка и культуры («глубоководное ныряние» в русское слово — имя концепта) сфокусированы на развитии личности, которой предстоит действовать в условиях новой реальности.

3. «Черный лебедь» лингвометодической науки

Третья цитата, связанная с понятием бифуркации, которое Ю. М. Лотман взял у И. Пригожина, подтверждает правильность

детерминированного выбора, сделанного в ситуации неопределенности, которая после его осуществления выступает уже как «данность»: «...случайный до реализации, выбор становится детерминированным после» [Лотман 1996: 325]. Отметим, что введение в методический дискурс в самом начале нулевых концепта в качестве средства обучения рассматривалось как вызов. Сдвиг в лингвометодической науке в сторону концепта — это был «черный лебедь» (если использовать знаменитую метафору Насима Талеба), «конструктивная аномалия» (М. Эпштейн) в системе преподавания русского языка.

Выбранные нами цитаты, намечая русло для течения мысли, являясь ее катализатором и выполняя диалогизирующую функцию, безусловно, отражают степень свободы участников «невидимого колледжа» в выражении новых научно-методических идей.

4. Концепт как интегратор содержания филологического образования в условиях его цифровой трансформации

Во втором десятилетии XXI в. методическая лингвоконцептология раскрывается в новых, актуальных аспектах. Ее «точки

роста» обусловлены как динамикой развития новой культурной парадигмы — метамодернизма, так и новой идеологией образования, ориентированной на его цифровую трансформацию.

Как известно, в нулевые антропопрактики были направлены на формирование **языковой личности** (основной тезис лингвоконцептологов «за каждым концептом стоит языковая личность» развивал базовый постулат Ю. Н. Караулова «за каждым текстом стоит языковая личность»). Соответственно методическая лингвоконцептология активно занималась **лингвокультурологическим портретированием концептов**. Это направление до сих пор продуктивно и успешно продолжает развиваться, способствуя в том числе подготовке учащихся к государственному экзамену в девятом и одиннадцатом классах.

Современные подростки, являясь субъектами сетевого дискурса, представляют собою новый тип человека — **сетевую языковую личность**, коммуникативный стиль и ценностную идентичность которой меняет стремительное развитие сетевого дискурса.

Работающая два десятилетия методическая модель концептуального анализа слова (имени концепта) и текста в новых условиях нуждается в уточнении и дополнении **медийным** и **сетевым** — дискурсивным и персонологическим (в рамках теории лингвокультурных типажей — по В. И. Карасику) — **векторами** освоения школьниками концептосферы русского языка и культуры. Не случайно методический тезаурус молодого научного направления пополняется новыми понятиями: *трансдисциплинарный концепт* (Н. Л. Мишатина), *цифровой* и *графический концепты* (И. А. Шерстобитова), *медиаконцепт* (Н. С. Болотнова) и др.

Использование **мультимодальных текстов** (или в других номинациях — «креолизованных», «поликодовых»), в организации которых участвуют коды разных семиотических систем (иконических и сигнальных), свидетельствует о неизбежности начала **трансмедийного поворота** в стратегиях обучения. Возможно, что в скором будущем новая наглядность станет не дополнительным, а ведущим способом дидактического информирования. Мультимодальный

(«нелинейный») текст, характеризуемый двумя основными признаками: возможностью использования разных типов знаков и гипертекстуальными связями, т. е. моментальными переходами на связанные с данным текстом темы [Карасик, Слышкин 2021: 21–22], — это продукт/результат клипового мышления/сознания современного человека.

Изучение концептов происходит в условиях семантической и прагматической трансформации русского культурного кода. Привлечение мультимодальных текстов (мемов, демотиваторов, интернет-комиксов, коллажа, плакатов, фотонаратива и др.) помогает адаптировать освоение концептов к новой культурной среде, а лингвокультурологические задания, адекватные современной мультимедийной культуре, становятся хорошими мотиваторами, работающими на «расширение личности».

Цифровой вектор исследований по методической лингвоконцептологии стимулирован общим направлением развития цифрового образования. Он может найти отражение в выборе цифровых инструментов для работы с концептами (мультимедийные презентации, виртуальные интерактивные экскурсии, «облако слов», лонгрид), в проектировании электронных концептуариев культуры и др. При этом должен быть осознанный педагогический выбор между аналоговыми средствами обучения и их цифровыми альтернативами. Главная цель — научиться использовать возможности «цифры» для возвращения коммуникации ее человеческого измерения. Отметим также приемы графической визуальности, многие из которых используются в сетевом пространстве: ментальная карта, интеллект-карта (mind-maps), облако слов, лента времени, инфографика и др.

Выводы. Сегодня приходится выводить будущее, в том числе гуманитарного образования, из текучести и неопределенности современности. Люфт времени для минимизирования культурных потерь в ходе социогенеза чрезвычайно мал. Формирование национально-культурной идентичности, патриотического и гражданского самосознания поколения метамодернизма и цифры требует нового содержания и методически выверенных (пластичных) антропопрактик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большие идеи для содержания образования / М. В. Гасинец, Н. А. Авдеев, А. М. Михайлова, О. Д. Федоров, Т. В. Пашенко. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 60 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Галактионова Т. Г., Казакова Е. И. «Новая грамотность» как содержание образования взрослых // Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: проблемы и перспективы: сб. науч. статей / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. М.: РАО, Центр русского языка и славистики, 2017. С. 10–13.
4. Гусельцева М. С. Метамоде́рнизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>.
5. Думитреску А. Что такое метамоде́рнизм и зачем нам это знать? / пер. М. Барановой, А. Зубова и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat> (дата обращения: 10.01.2022).
6. Заметки о метамоде́рнизме [Электронный ресурс]. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>.
8. Карасик В. И. Введение. О медийном преобразовании реальности // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина. М.; Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. 384 с.
9. Колесникова И. А. Постпедагогический синдром эпохи цифромодернизма // Высшее образование в Российской Федерации. 2019. № 8–9. С. 67–82. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-67-82>.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Мишати́на Н. Л. Формирование компетентного читателя в диалоге с искусством и наукой (из опыта создания учителями-предметниками «совместных проектов») // Известия Российского государственного педагогического

университета имени А. И. Герцена. 2021. № 201. С. 77–89. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-201-77-89>.

12. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма: синергетика образования: коллективная монография / отв. редактор В. Г. Буданов. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 24–96.

13. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 4. С. 28–38 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA>. HT М (дата обращения: 05.05.2022).

14. Эпите́йн М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

REFERENCES

1. Gasinets M. V., Avdeenko N. A., Mikhailova A. M., Fedorov O. D., Pashchenko T. V. Big ideas for curriculum design. Moscow: HSE, 2020. 60 p. (In Russ.)
2. Gadamer H.-G. Truth and Method. The Basics of the Philosophical Hermeneutics. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)
3. Galaktionova T. G., Kazakova E. I. «New literacy» as the content of adult education. *Podgotovka uchiteleya russkogo yazyka i literatury v sisteme vuzovskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy. Sb. nauchn. statei; pod red. T. G. Galaktionovoy, E. I. Kazakovoy* = Training a teacher of the Russian language and literature in the system of higher education: problems and prospects. Collection of scientific articles. Ed. by T. G. Galaktionova, E. I. Kazakova. Moscow: RAE, Center of Russian Language and Slavistics, 2017. P. 10–13. (In Russ.)
4. Guseltseva M. S. Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. 2018;8(4):327–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>.
5. Dumitrescu A. E. What is metamodernism and why bother? Meditations on metamodernism as a period term and as a mode. Trans. by M. Baranova, A. Zubov, M. Elistratova [Electronic resource]. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat/> (accessed: 10.01.2022) (In Russ.)
6. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism [Electronic resource]. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (accessed: 10.01.2022) (In Russ.)

7. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Modern discourse developmental trends. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;1:14–31 (in Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>.

8. Karasik V. I. Introduction. Media reality transformation. Person and his discourse—6: Digitalisation of communicative practices: Collective monograph. Ed. by M. R. Zheltukhina. Moscow, Volgograd: PrinTerra-Design, 2020. 384 p. (In Russ.)

9. Kolesnikova I. A. Post-pedagogical syndrome of the digimodernism age. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2019;28(8–9):67–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-67-82>.

10. Lotman Yu. M. Inside the thinking worlds. Human — text — semiosphere — history. Moscow: Languages of Russian culture, 1996. 464 p. (In Russ.)

11. Mishatina N. L. Shaping a competent reader in the dialogue of science and art: A case study of

joint projects by subject teachers. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2021;201:77–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-201-77-89>.

12. Morin E. Seven complex lessons in education for the future. *Sinergeticheskaya paradigma: sinergetika obrazovaniya: kollektivnaya monografiya = Synergetic paradigm: synergy of education*. Collective work. Ed. by V. G. Budanov. Moscow, Progress-Tradition, 2007. P. 24–96. (In Russ.)

13. Frumkina R. M. Self-awareness of linguistics yesterday and tomorrow. *Izvestiya akademii nauk. Seriya literatury i yazyka = News of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1999;58(4):28–38. (In Russ.)

14. Epstein M. N. From knowledge to creativity: How the humanities can change the world. Moscow, S.-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016, 480 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Львовна Мишатина, доктор педагогических наук, профессор, кафедра образовательных технологий в филологии

Natalia L. Mishatina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Department of Educational Technologies in Philology

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 12.05.2022.